

Предисловие о Петербурге и Париже

Что толку в книжке, если в ней нет ни картинок, ни разговоров?

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

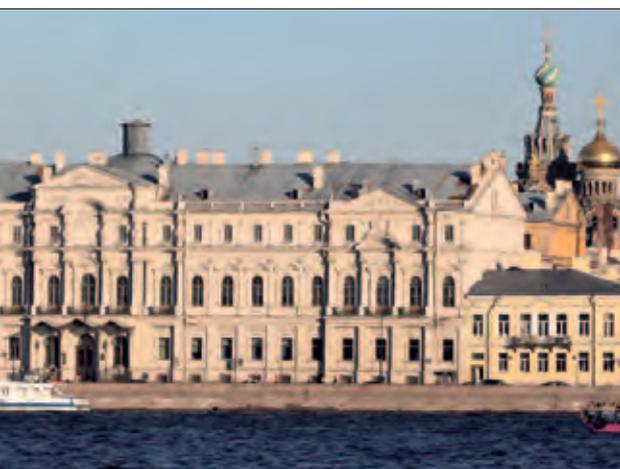
Мне очень повезло в жизни. Я родился в Санкт-Петербурге, одной из мировых культурных столиц, закончил восточный факультет Ленинградского государственного университета — место, где студентов ориентируют в первую очередь на научную карьеру и где сами стены хранят голоса выдающихся ученых. Почти двадцать лет я проработал в Ленинградском филиале Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН). Здесь собрана известная на весь мир коллекция восточных рукописей — больше ста тысяч единиц хранения! В те годы в прекрасном здании на Дворцовой набережной сложился научный коллектив, равного которому, по-видимому, не было ни в одном другом гуманитарном научном центре СССР. Общение с выдающимися учеными было самой лучшей школой. Вряд ли с чем-то можно сравнить и саму возможность ежедневно брать в руки рукописные памятники мирового значения.

Моим научным руководителем стал Петр Афанасьевич Грязневич — известнейший арабист и исламовед, равно имевший вкус и к тщательнейшим исследованиям, и к экспедиционной работе в поле. Человек энциклопедически образованный и наделенный романтическим отношением к жизни, он стал одним из создателей Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР и возглавлял ее работу в течение семи лет, с 1983 по 1989 г. Ученые разного профиля — археологи и специалисты по арабской культуре, этнографы и антропологи, эпиграфисты

На набережной Невы.
Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

Мост Александра III в Париже.
Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

и геоморфологи, палеоботаники и лингвисты, специалисты по истории архитектуры и филологи, сотрудники крупнейших академических, музейных и университетских центров СССР осуществляли в рамках экспедиции грандиозную программу по комплексному изучению — с древних времен и до наших дней — Южного Йемена, и прежде всего одной из важнейших историко-культурных областей Арабского Востока — Хадраута. Я проработал в экспедиции всего один сезон — чуть более трех месяцев, которые оказались очень важными в моей жизни. Именно опыт, полученный в Йемене, позволил мне понять: для того чтобы рукопись «раскрылась» до конца, необходимо побывать на месте ее создания.

Пятнадцать лет я работаю в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН. Каждый день я вхожу в дверь одного из старейших в мире зданий, построенных специально для музейных нужд. С начала XVIII в. Кунсткамера является символом Российской академии наук. В Кунсткамере, а позднее в Этнографическом музее, наследнике наиболее значи-

тельной части ее коллекций¹, было положено начало этнографическим, археологическим и антропологическим исследованиям в России. В настоящее время собрание музея, основанного по указу Петра Великого в 1714 г., является одним из наиболее полных и интересных в мире. Оно насчитывает более миллиона экспонатов и отражает все многообразие культур народов Старого и Нового Света. Одновременно музей является одним из крупнейших гуманитарных исследовательских центров Академии наук.

Богатейшие научные коллекции музея последовательно складывались на протяжении всей его 300-летней истории в первую очередь в ре-

¹ Создан в 1836; с 1879 — Музей антропологии и этнографии. В 30-е годы XIX в. на основе коллекций Кунсткамеры было создано семь самостоятельных академических музеев: Этнографический, Азиатский,

Египетский, Анатомический, Зоологический, Ботанический, Минералогический и Кабинет Петра I. Этнографический и Анатомический музеи продолжали находиться в здании Кунсткамеры.

О ПЕТЕРБУРГЕ И ПАРИЖЕ

зультате напряженной экспедиционной и исследовательской деятельности Академии. С музеем связана научная деятельность ряда выдающихся академиков-путешественников XVIII–XX вв., русских мореплавателей, всемирно известных исследователей этнографии народов России и мира.

МАЭ РАН — памятник самой успешной модернизации в истории России. Приоритет науки в системе государственных ценностей, изучение и сохранение национальных культур, межнациональный диалог — ключевые аспекты деятельности музея. Они всегда совпадали и совпадают сегодня с важнейшими задачами российской государственности. Олицетворяя прорыв Петровской эпохи, Петербургская Кунсткамера является одним из символов России, важным и для национальной, и для гражданской идентичности жителей страны.

МАЭ содержит одно из самых больших в мире собраний, посвященных культуре и этнографии мусульманских народов (всего около 1000 коллекций, связанных с культурой и историей мусульман Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Китая, Кавказа и России). Это собрание является результатом деятельности 60 научных и музейных организаций и более чем 400 собирателей (во многих случаях — выдающихся ученых, путешественников и государственных деятелей). В целом мусульманская коллекция МАЭ, безусловно, самая богатая в России. Работа с подобными собраниями, с одной стороны, требует от специалистов высочайшей квалификации, но с другой — сама такая работа воспитывает, формирует специалистов мирового уровня.

Вид из окна Кунсткамеры на Петропавловский собор и Соборную мечеть Санкт-Петербурга.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

Институт восточных рукописей РАН.
Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

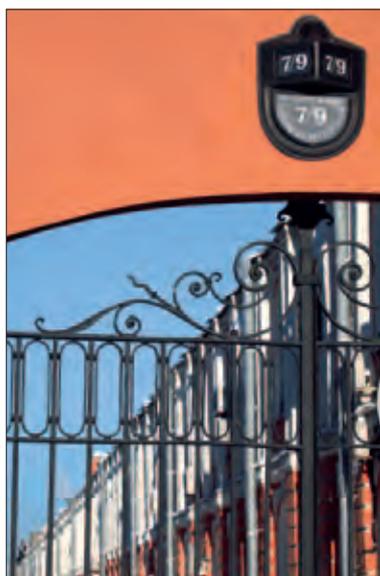
На экспозиции «Ближний и Средний Восток»
МАЭ РАН. Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

На протяжении многих десятилетий МАЭ является ведущим академическим центром по изучению культуры, этнографии, истории и современности мусульманских стран. Сегодня с исламской проблематикой в той или иной степени связаны исследования, проводящиеся в восьми

научных отделах музея. Ежегодно МАЭ организует серию экспедиционных выездов в страны и районы традиционного распространения ислама.

Спецификой петербургской научной школы по изучению ислама справедливо считается комплексный подход, сочетающий глубокую филологическую подготовку, изучение рукописных и архивных первоисточников, с одной стороны, со специальными знаниями, полученными в ходе полевой работы, и изучением богатейших предметных и фотоиллюстративных коллекций — с другой. В русле такого комплексного подхода прошло становление и развитие научных школ МАЭ, восходящих к именам В. В. Бартольда, И. И. Зарубина, И. Н. Винникова, В. А. Иванова (Центральная Азия), Л. И. Лаврова (Кавказ), П. А. Грязневича, М. Б. Пиотровского (Аравия, коранистика), Д. А. Клеменца, С. М. Дудина, А. М. Решетова (Китайский Туркестан).

О ПЕТЕРБУРГЕ И ПАРИЖЕ

В музее я смог дополнить опыт ученого-рукописника как работой с потрясающими предметными коллекциями, так и многообразным полевым экспедиционным опытом. Сотрудники музея обладают во многом уникальной возможностью реализовать полученные результаты не только в виде монографий и статей, но и в виде выставочных проектов, сопровождаемых развернутыми каталогами. Примером работы в этом направлении является проект «Иджма² = Согласие», посвященный исследованию культурного многообразия исламского мира². Этот проект — независимая попытка, обратившись к первоисточникам, разобраться в сложном клубке проблем, связанных с современным исламом. Он имеет научную, видео- и выставочную составляющие. Именно частью этого проекта и является книга, предлагаемая вашему вниманию.

Проект создается на основе экспедиционных материалов, полученных мною за последние пятнадцать лет. Для меня очень важно, что он дает возможность представить моим друзьям то, что обычно остается за рамками научного отчета: ты отправляешься с целью найти древнейшую рукопись Корана, но помимо фотографий ценнейших листов пергамента, исписанных древним почерком *хиджази*, привозишь впечатления от встреч с замечательными людьми, память о степных дорогах, о ярчайшем солнце, привозишь вкус кумыса и курта... Это и «картинки, и разговоры».

Для любого человека, родившегося в России, Восток — это в первую очередь Центральная Азия. Рассказывают, что на рубеже XIX–XX вв. в самом центре Санкт-Петербурга, на перекрестке Невского проспекта и Садовой улицы, работало питейное заведение, необычайно популярное в те годы. Это была рюмочная fast food, где посетитель имел возможность выбрать одну из ста закусок к рюмке одного из ста видов водки. Среди закусок почетное место занимало мясо, вяленое под седлом лошади. Во все времена такое мясо было важной частью рациона воина-кочевника. Мясной сок и лошадиный пот составляли «маринад», лишняя влага испарялась, и в результате получалось вяленое в меру, подсоленное мясо. В какой еще европейской столице можно было попробовать такую изысканную закуску? Теперь это место облюбовали для себя новые всадники — питерские байкеры.

МАЭ РАН. Вид со стороны Государственного Эрмитажа. Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

Ворота во двор исторического здания Двенадцати коллегий — главного здания Санкт-Петербургского государственного университета. Здесь преподают многие из сотрудников МАЭ РАН. Фото Т. М. Федоровой, 2012 г.

Байкерское кафе на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

² См., например: <http://ijma.kunstkamera.ru>

«Лицом к лицу лица не увидеть»: для меня самого открытие

Центральной Азии состоялось, как ни странно, в Париже. Летом 1989 г., накануне 200-летия Французской революции, я неожиданно для себя оказался в столице Франции. Вопрос о научной командировке решался долго и трудно, и к тому времени я уже и думать забыл о возможности поработать в парижских архивах и библиотеках. Тем не менее какая-то из бюрократических шестеренок все-таки со скрипом провернулась, и я, тридцатилетний ленинградский арабист, был направлен в Париж в рамках обменов по соглашению между АН СССР и CNRS. Я ехал работать с материалами по Аравии и Корану, но французские коллеги видели во мне в первую очередь представителя научной школы, связанной с изучением Центральной Азии. Меня постоянно спрашивали о последних работах в этой области, о судьбах коллег и коллекций. Мне приходилось часто рассказывать о регионе, где я к тому времени успел побывать только туристом. Мне предлагали новые французские исследования по Центральной Азии, восхищались моими возможностями работать с профильными рукописными и архивными коллекциями, и я, до этого момента «ориентированный» на ара-

вийский материал, вдруг увидел, что за богатства хранятся прямо у меня дома. Я остался арабистом, но с тех пор Центральная Азия прочно заняла место не только в моем сердце, но и на рабочем столе.

В зеркале парижских букинистов.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

О ПЕТЕРБУРГЕ И ПАРИЖЕ

За жизнь мы прочитываем множество книг, но лишь немногие благодаря особому стечению обстоятельств остаются с нами навсегда. Как ни странно это звучит, для многих русских моего поколения Париж начинался с книги Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Хотя эта необычайно грустная, но все-таки такая жизнеутверждающая книга посвящена Городу, прежде всего она о празднике творчества и о любви. На самом деле, только радость настоящей работы остается с тобой навсегда.

В те годы доллар стоил 63 копейки, и мне по условиям научных обменов советской поры выдали довольно значительную сумму денег. Первое, что я заметил еще в аэропорту Шарль де Голль, был персональный компьютер — настоящая мечта, и судьба денег была решена. Я поселился в Латинском квартале в самой дешевой гостинице на рю дез Эколь, стал жестко экономить на всем, но каждое утро с огромной радостью выходил на солнечную парижскую улицу, поворачивал направо и мимо памятника Верлену в уютном сквере поднимался по улице Кардинала Лемуана, проходил площадь Контрэскарп и направлялся в университетскую библиотеку. Тот, кто помнит «Праздник, который всегда с тобой», поймет меня.

Второй мой наиболее частый маршрут той поры шел вниз к Сене мимо русского и английского книжных магазинов с запретными для советского гражданина обложками книг в витрине и дальше к Институту арабского мира, в богатой и очень удобной библиотеке которого я полюбил работать. Не заглядываясь на столики уютных кафе, я покупал еду на дешевых фермерских рынках, вычислял бесплатные дни в музеях, работал в библиотеках до их закрытия, а поздними вечерами бродил вдоль Сены, плутал по маленьким улочкам острова Сен-Луи, пересушивался с клошарами, которые укладывались спать под мостами или на галерее

Книжный магазин
на улице Бюшри в Париже.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

площади Вогезов. По субботам мы с моим парижским приятелем — молодым астрономом из ЮАР — позволяли себе пообедать по-королевски: заходили в приглянувшийся дешевый ресторанчик на улице Ксавье Прива или где-нибудь рядом, заказывали вкуснейшую еду, графин дешевого домашнего вина и говорили обо всем на свете.

Это было счастливое время. Я купался в море недоступных в Союзе книг, радовался Городу, перечитывал «Праздник» и мечтал о возвращении домой, где у меня, как тогда казалось, был такой прочный тыл. Впереди была вся жизнь. За два дня до отъезда был наконец куплен компьютер, но денег на такси в аэропорт уже не осталось. Путь туда длился шесть часов: в двух руках непросто унести чемодан и три тяжелые компьютерные коробки.

Я дописываю эти строки в самолете, летящем в Петербург из Парижа. Объявили снижение, и улыбчивая бортпроводница просит выключить ноутбук. Внизу, за иллюминатором, весенний северный лес, квадраты полей, белых с черными проталинами, кромка Фин-

О ПЕТЕРБУРГЕ И ПАРИЖЕ

ского залива с игрушечными дворцами, шоссе с вереницами машин... Я закрываю крышку и достаю из кармана на переднем сиденье заботливо припасенный «Праздник»:

— *Не знаю, Тэти. Есть много разновидностей голода. Весной их становится еще больше. Но теперь это уже прошло. Воспоминания — тоже голод.*

Для меня очень важно, что многие главы моей книги были впервые опубликованы в прекрасном журнале «60 параллель», который группа по-настоящему талантливых журналистов под руководством Юлии Неруш издавала в Сургуте. Благодаря этому у меня появилось множество читателей не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Сибири.

Я искренне благодарен судьбе, которая свела меня с коллегами из Национального филиала Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан и ее директором Аскарком Алимжановым. Книга увидела свет во многом именно благодаря его участию в проекте. Она никогда не была бы написана без поддержки и щедрой помощи моих друзей и коллег в Санкт-Петербурге, Москве, Алматы, Астане, Семее, Шимкенте, Актау, без дружеского участия всех тех, кто делил со мной радость полевой работы в Степи. Двое из этих людей, Дмитрий Шнеерсон и Антон Успенский, любезно предоставили для публикации в книге свои материалы.

В значительной части моих экспедиций последних лет принимала участие петербургский фотограф Татьяна Федорова. Ее работы составили основной блок фотографий, иллюстрирующих эту книгу. Фотографии большинства экспонатов МАЭ РАН выполнены Стасом Шапиро. Как всегда, большую радость мне принесла работа с петербургским дизайнером и издателем Татьяной Богдановой.

Санкт-Петербург, 23 июля 2015 г.

Париж. Вечернее кафе.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

В Люксембургском саду.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

Угол Невского проспекта
и Садовой улицы.
Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

